

Леонтович Федор Иванович

**Голодовки в России до конца
прошлого века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Иванович Л.**
Голодовки в России до конца прошлого века / Леонтович Федор Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 80 с.

ISBN 978-5-519-93158-8

ISBN 978-5-519-93158-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

родъ», 451—485). Въ XVII вѣкѣ число неурожайныхъ лѣтъ, сопровождавшихся иногда страшнымъ голодомъ и моромъ (напр. въ 1601 и 1602 гг.), достигало до 15 ¹⁾. Прошлый вѣкъ также извѣстенъ частыми недородами и голодовками. По источникамъ насчитывается въ XVIII вѣкѣ до 19 неурожайныхъ лѣтъ, когда правительство принимало общія мѣры противъ недорода и голодовокъ ²⁾.

Мы имѣемъ въ виду данныя, записанныя въ пол. собраніи законовъ о недородахъ, по поводу которыхъ устанавливались общегосударственныя законодательныя мѣры въ видахъ обезпеченія народнаго продовольствія въ годину бѣдствій отъ недорода и голодовокъ. Случались, кромѣ того, мѣстные недороды, не вызывавшіе общихъ правительственныхъ мѣръ и иногда (напр. въ Сибири въ концѣ прошлаго вѣка) сопровождавшіеся страшнымъ голодомъ.

Въ среднемъ итогѣ неурожаявъ въ Россіи до XVII вѣка, по показаніямъ источниковъ, приходится почти 8 случаевъ на столѣтіе, и повторяются они почти черезъ каждыя 13 лѣтъ (Лешковъ, 485), а въ XVII и XVIII вѣкахъ число недородовъ удвоится—17 неурожайныхъ лѣтъ на столѣтіе, — почти презъ каждое пятилѣтіе или шестилѣтіе — одинъ недородъ ³⁾.

Такое рѣзкое различіе данныхъ стараго и новаго времени невольно

¹⁾ Кромѣ голода въ 1601 и 1602 гг., народъ подвергался при Шуйскомъ и въ междоусобицу, съ 1605 до 1613 гг., бѣдствіямъ отъ войны, моровой язвы и голода (особенно въ 1605 и 1608 гг.). Затѣмъ, при царяхъ изъ дома Романовыхъ было также нѣсколько случаевъ недорода, сопровождавшихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голодомъ, особенно при Михаилѣ Осодоровичѣ и Алексѣ Михайловичѣ (см. Карамзинъ. Ист. XI, прим. 180; XII, 146 и прим. 358. Псков. лѣт. I, 322. II. с. з. 286, 287, 577. Ср. Стога обществ. призрѣніи, 23—30).

²⁾ При Петрѣ Великомъ было четыре неурожайныхъ года, съ 1721 до 1724 г.: «конечный» хлѣбный недородъ въ Московской губерніи и многихъ мѣстахъ приводилъ къ голоду и мору жителей (II. с. з. 416³, 4193, 4558). При императрицѣ Аннѣ Иоанновнѣ хлѣбная «скудость», доводившая народъ до голода, была въ 1734 и 1742 гг. (ib. 6569, 8580). При императрицѣ Елизаветѣ было пять лѣтъ недорода: въ 1747—1749 гг. въ Вязогородской, Архангельской губ. и въ Лифляндіи, въ 1759 г. почти во всей сѣверо-восточной части Россіи: въ Московской, Вязогородской, Смоленской, Воронежской, Казанской, Новгородской и Нижегородской губ.; въ 1754 г. въ Воронежской губ., особенно въ Елецкомъ и Ефремовскомъ уѣздахъ (ib. 9590, 9615, 9668, 9709, 10299). При императрицѣ Екатеринѣ II было семь неурожайныхъ лѣтъ, отличавшихся дороговизной и въ большинствѣ голодовкой — 1766, 1772, 1774, 1783, 1784, 1787 и 1788 г. (см. ib. 12502, 12662, 13836, 14222, 15877, 16080, 16665). При императорѣ Павлѣ хлѣбнымъ недородомъ извѣстенъ 1798 г. — въ Архангельской губ., особенно въ Кемскомъ уѣздѣ (ib. 18445).

³⁾ Такой же процентъ недородовъ долженъ быть принятъ и для XIX в. До введенія земскихъ учрежденій у насъ было болѣе 15-ти неурожайныхъ лѣтъ. Голодовкой отличались 1821 и 1822 гг.; вѣтвѣ были сильныя неурожая въ 1833 г., также въ 40-хъ и 50-хъ годахъ.

заставляетъ задуматься, само собою наводитъ на мысль о большой неполнотѣ показаній источниковъ по вопросу о неурожаяхъ въ Россіи до XVII вѣка. Съ этого вѣка начинаютъ исчезать многія, верѣдко весьма существенныя причины, вызывавшія въ прежнее время дороговизну и голодовки (удѣльная усобица и пр.), и въ то же время принимаются противъ послѣднихъ болѣе организованныя и широкія мѣры, неизвѣстныя прежнему времени. Можно было бы ожидать не увеличенія, а уменьшенія неурожаяевъ. По показаніямъ источниковъ между тѣмъ выходитъ, что населеніе въ послѣдніе три вѣка, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, вдвое чаще подвергалось бѣдствіямъ голодовки, чѣмъ въ прежнее время, когда въ наличности было и больше причинъ голодовокъ и меньше средствъ для борьбы съ ними.

Дѣло въ томъ, что въ то время, какъ источники XVII и XVIII вѣковъ отличаются оффиціальной точностію и полнотою, далеко нельзя сказать того же самаго объ источникахъ прежняго времени, главнымъ образомъ, о показаніяхъ старыхъ русскихъ лѣтописцевъ. Какъ извѣстно, послѣдніе заносили въ свои хроники извѣстія далеко не о всѣхъ русскихъ земляхъ, да и то, о чемъ говорятъ лѣтописи, касается лишь выдающихся явленій общественной жизни, почему либо обращавшихъ на себя вниманіе современниковъ. Оффиціальной полноты и точности, свойственной актамъ позднѣйшаго времени, въ лѣтописяхъ никакимъ образомъ нельзя ни искать, ни требовать. Выводъ, сдѣланный изслѣдователями (Лешковымъ) о числѣ неурожайныхъ лѣтъ въ Россіи до XVII вѣка, можно считать правдивымъ лишь въ отношеніи къ даннымъ, констатированнымъ источниками, но не къ дѣйствительному положенію дѣла. Во всякомъ случаѣ, если въ XVII, XVIII и XIX вѣкахъ почти чрезъ каждое пятилѣтіе или шестилѣтіе имѣлъ мѣсто въ Россіи неурожай, то тѣмъ болѣе для прежняго времени, при далеко менѣе благопріятныхъ условіяхъ сельскаго хозяйства, долженъ быть допущенъ такой же (если даже не болѣе) процентъ недородовъ, сопровождавшихся въ большей или меньшей степени голодовками въ отдѣльныхъ русскихъ земляхъ.

Голодовки стараго времени представляли иногда страшную картину народныхъ бѣдствій.

Въ новгородской голодъ 1128 г. большая часть населенія, при недоступныхъ цѣнахъ на хлѣбъ, вовсе отказалась отъ его употребленія, и «ядяху листь липовъ, кору березову, ивию молицъ истолкше, мятупе съ пельми и съ соломою, ивию, ушь, мохъ, конину. И тако другимъ падъшимъ отъ глада, трупіе по улицямъ и по трѣгу и по путемъ и всюду: наыша наймиты возити мъртвѣца изъ города; о смородымъ нелга вылѣзти. Туга, бѣда на всѣхъ! Отецъ и мати чадо свое въсажаше въладыю даромъ гостымъ; ови ихъ изымоша, а друзіи розидошася по

чужимъ землямъ. И тако по грѣхамъ нашимъ, погыбе земля наша». (Новг. лѣт. I, 5).

Такія же бѣдствія повторяются въ Новгородѣ во время голодовки въ 1214 и 1215 гг., когда «ядяху люди сосновую кору и листь липовъ и мохъ. О горе тогда, братье, бяше! Дѣти своѣ даяхуть одырень. И поставиша скудельницу, и наметаша полну. О горе бяше: на трѣгу трупіе, по улицамъ трупіе, по полю трупіе; не можаху пси извѣдати чловѣкъ; а Вожаке помроша, а останкъ разыдеса, и тако, по грѣхамъ нашимъ, разыдеса власть наша и градъ нашъ». (Новг. л. II, 128; I, 33).

Въ 1230 и 1231 гг. настаетъ новая, самая страшная голодовка: «Избѣ мразъ на Вздвиженъе честнаго Христа обилѣе по волости нашей, и оттолѣ горе уставися велико». Стали неимовѣрныя цѣны на все, «и разыдеса градъ нашъ и волость наша, и полни быша чюжія грады и страны братьѣ нашей и сестрѣ, а останкъ почаша мерети. И кто не прослезится о семъ, видяще мѣртваца по улицамъ лежаща, и младенця отъ псы изѣдаемы? И вложи Богъ въ сердце благое сотвориши архиепископу Спуридону, и постави скудельницу и наполни до вѣрха, аже бысть въ неи 3000 и 30... Ини простаи чады рѣзаху люди живыя и ядыху; а инѣи мѣртваѣ мяса и трупіе обрѣзающе ядыху, а друзіи конину, псину, кошки; нѣтѣхъ осочивше, тако творяще, овѣхъ огнемъ изгоша, а другихъ осѣкоша, ливыхъ извѣшаша; инѣи мѣхъ ядыху, ушь, сосну, кору липову, и листь ильмъ, кто что замысли; а инѣи паки зліи чловѣцы почаша добрыхъ людѣи дома зажигати, гдѣ чююще рожь, и тако разграблывахуть имѣніе ихъ». Трупы несчастныхъ валялись повсюду. Поставили еще скудельницу; въ нее положено умершихъ безъ числа; открыли новую, и ту наполнили трупами безъ числа. Такъ было въ Новгородѣ; не легче было въ другихъ мѣстахъ: въ Смоленскѣ умерло до 32 тысячъ чловѣкъ. Не было, по словамъ лѣтописца, милосердія, не стало состраданія, порвались близкія, семейныя, сосѣдскія связи между людьми: братъ не жалѣлъ брата, отецъ и мать дѣлались равнодушными къ судьбѣ дѣтей, сосѣдъ сосѣду «не уломяше хлѣба... И даяху отцы и матери дѣти свое одырень, изъ хлѣба, гостыни. Сеже горе бысть не въ нашей земли во единой, но по всей области русьскѣй, кромѣ Кыева единого». Только лѣтомъ 1231 г. «откры Богъ милосердіе свое на насъ грѣшныхъ, сотвори милость свою вскорѣ: прибѣгоша нѣлици изъ за моря съ житомъ и съ мукою, и створиша много добра, а уже бяше при концѣ городъ сій» (Новг. I, 46).

И въ новое время народъ не мало терпѣлъ бѣдъ во время голодовокъ: лѣтописи и официальные акты XVII и XVIII вѣковъ нерѣдко констатируютъ употребленіе въ голодную страду тѣхъ-же хлѣбныхъ суррогатовъ (даже людскаго мяса), какіе производили морь у голодавшихъ новгородцевъ XIII в.

Въ лютый голодъ 1601 г. отъ постоянныхъ ливней и наступившихъ затѣмъ равныхъ морозовъ весь хлѣбъ погибъ въ землѣ. Тогда-то сдѣлался голодъ, купить стало негдѣ, отцы покидали дѣтей, мужья женъ, мерли люди, какъ никогда отъ мороваго повѣтрія не мерли. Видали людей, которые валялись по улицамъ, щипали траву, подобно скоту, зимою ѣли сѣно; у мертвыхъ находили во рту навозъ и испражненія; отцы и матери ѣли дѣтей, дѣти родителей, хозяйка гостей; мясо чело-вѣческое продавалось на рынкахъ за говяжье, въ пирогахъ; путешественники боялись останавливаться въ гостиницахъ» (Соловьева Ист. VIII, 77). Позже такихъ ужасовъ не встрѣчаемъ (по крайней мѣрѣ въ Европейской Россіи); тѣмъ не менѣе и послѣдующія голодовки не всегда обходились безъ голоднаго мора. Указъ 1674 г. говорить о недородѣ въ Валуйскомъ уѣздѣ: «хлѣбъ у нихъ не родится и самимъ ѣсть нечего, и ѣдятъ они съ мякиною мѣшаючи племъ и желуди, племковые кнюки, и отъ голоду волуйчане бредутъ съ Валуйки въ разные города для прокормленія» (П. С. З. 577).

Объ употребленіи хлѣбныхъ суррогатовъ и о голодномъ морѣ въ неурожайные годы свидѣлствуютъ также акты прошлаго вѣка.

Петръ Великій, освѣдомившись въ 1723 г. о народной голодовкѣ въ Московской и другихъ губерніяхъ, писалъ Сенату: «вѣдомо намъ учинилось, что отъ хлѣбнаго недороду въ многихъ мѣстахъ является въ народѣ голодъ, отчего нѣкоторые и помирають» (П. С. З. 4168). Лѣтомъ того-же 1723 г. Сенатъ получилъ доношенія изъ Московской губерніи и другихъ провинцій, что вслѣдствіе неурожая, бывшаго два года сряду, крестьяне находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи, ѣдятъ льняное сѣмя и дубовые желуди, мѣшая съ мякиною, бываютъ по нѣскольку дней безъ пищи; многіе отъ этого пухнутъ и умирають. Иныя села и деревни стоятъ пусты: крестьяне вышли въ разные мѣста для прокормленія (Соловьева Ист. XVIII, 182). Въ 1734 г. Сенатъ докладывалъ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ о «хлѣбной скудости» въ Смоленской губерніи и, между прочимъ, прислалъ «знакъ», въ видѣ вещественнаго доказательства, «какимъ хлѣбомъ обыватели пробавляются». Страшныя бѣды въ особенности произвелъ въ Бѣлогорской губерніи четырехлѣтній недородъ (1747—1750 г.): государынѣ (Елизаветѣ Петровнѣ) докладывали еще въ началѣ голодовки, что «хлѣба является самое малое число, да и то не у всѣхъ жителей, и по большей части крайній недостатокъ; многіе изъ нихъ питаются по необходимости нуждѣ лебедю, травой и желудями. И какой оные обыватели ѣдятъ хлѣбъ, для усмотрѣнія прислалъ (капитанъ Чурсинъ, производившій опись хлѣба въ пораженныхъ голодомъ мѣстностяхъ) въ губернскую канцелярію и оный, по свидѣтельству, въ пищу людямъ весьма неспособный, и не хлѣбъ, но знатно за неимѣніемъ хлѣба трава, изъ

дерева кора толченая». Правительство, по недостатку средствъ, не могло ничѣмъ пособить голодающимъ: осужденныхъ на голодный моръ числилось здѣсь свыше 35 тыс. Въ Изюмскомъ уѣздѣ «за безмѣрною сурошею учинился недородъ, а гдѣ и былъ всходъ, тамъ все саранчею поѣдено безъ остатка; жители принуждены употреблять желудъ, лебеду, гнилое дерево, пихтовый листь и разныя травы, многіе пухнуть и умирають». И въ другихъ мѣстахъ «ржаного урожая и не было, а вмѣсто ржи родилась лебеда, и обыватели имѣютъ въ хлѣбѣ нужду; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не вся земля хлѣбомъ засѣяна». Извѣстно, наконецъ, что сибирскія голодовки конца прошлаго вѣка доводили жителей не только до употребленія невозможныхъ хлѣбныхъ суррогатовъ, но и до людоедства (П. С. З. 6569, 9590, 9709 и др.).

Всѣ голодовки стараго времени, до установленія указныхъ цѣнъ, неизмѣнно сопровождались «доровью», часто неимовѣрнымъ повышеніемъ цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты первой необходимости, иногда до полной невозможности для населенія пользоваться покупными продуктами. Въ лѣтописяхъ обыкновенно обозначается высшая норма цѣнъ; когда наступалъ настоящій голодъ, люди не имѣли ни своего, ни покупного хлѣба, ѣли мохъ, липовъ листь, гнилое дерево и другіе невозможныя суррогаты. Приведу нѣсколько лѣтописныхъ данныхъ о голодныхъ цѣнахъ стараго времени, съ переводомъ ихъ на нашъ денежный счетъ.

Въ Новгородѣ, осенью 1127 г., морозъ убилъ рожь всю и озимцу, насталъ голодъ: въ теченіе зимы осминка ржи шла по полгривнѣ. Въ слѣдующемъ году голодъ продолжался, цѣны удвоились, — осминка ржи уже стояла гривну, «и ядаху люди липовъ листь» и пр. (Новг. л. I, 5); цѣны, значитъ, установились рѣшительно недоступныя. И дѣйствительно, на наши деньги въ первый годъ голода четверть ржи стояла 25 р., а въ слѣдующій годъ 50 р. Въ 1137 г. установилась въ Новгородѣ дороговъ по неподвозу хлѣба вслѣдствіе осаднаго положенія; платили за осминку 7 рѣзанъ (Новг. л. I, 8; Карамз. ист. II, 176), т. е. за четверть на нашъ счетъ 12 руб. Въ 1214 и 1215 гг. въ Новгородѣ «зло бысть вельми»: кадь ржи стояла 10 грив., овса 3 гр., возъ рѣпы 2 гр. (Новг. л. I, 33; II, 128. Карамз. III, 148). Кадь ржи платилась на наши деньги болѣе 150 р., т. е. почти столько-же, какъ и въ 1128 г. Въ 1228 г. была дороговъ: «вздорожиша все на трѣгу, и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолѣ ста дороговъ—хлѣбъ покупали по 2 кунѣ, кадь ржи по 3 гривны, пшеницы кадь по 5, а пшена по 7 гр. И тако ста по три лѣта» (Новг. л. I, 43). На наши деньги четверть ржи стояла 10 руб., а кадь 40 руб. Настаетъ страшный новгородскій голодъ 1230 и 1231 гг.; сперва рожь покупали на рынкѣ по 20 гр. за кадь, а когда рыночнаго хлѣба не стало, его стали покупать въ дворахъ, платя за кадь ржи

«пополъ 30», т. е. по 25 гр. (въ другомъ спискѣ лѣтописи прибавлено, что за кадь ржи требовали до 40 гр.); кадь пшеницы стоила 40 гр., пшена 50 гр., овса 13 гр.; печеный хлѣбъ покупали по гривнѣ и больше, $\frac{1}{4}$ часть кади ржи стоила гривну серебра (Новг. л. I, 46). На наши деньги четверть ржи стоила 100 р.; значить, кадь ржи доходила до 400 руб., пшеницы до 700 р. и пр. Это была высшая норма голодныхъ цѣвъ; до такой высоты цѣвы никогда больше не доходили въ Россіи ни раньше, ни позже. Степень страданія народа отъ голодовокъ въ старое время можно выразить слѣдующей числовой формулой: цѣвы на хлѣбъ въ неурожайные годы начинались съ 3 гр. за кадь, переходили въ 4, 5, 6, 8 и 10 гр., доходили до 20, 25 или 30 и заканчивались высшей цѣвой въ 40 гр., имѣвшей мѣсто въ голодъ 1230 — 1231 г.г., когда хлѣбъ исчезъ съ рынка и покупался только въ дворахъ, у хлѣбопромышленниковъ. При этой цѣвѣ Новгородъ, говорить лѣтописецъ, «уже бѣша при конци» своего существованія и только подвозъ хлѣба нѣмцами спасъ его отъ гибели. Обычное, нормальное колебаніе высокихъ, голодныхъ цѣвъ, въ разные годы недорода, собственно совершалось между 3 и 7 гривнами за кадь, т. е. на нашъ счетъ между 10 и 23—25 р. Цѣвы были «голодные»; но еще не было «пакости» въ людяхъ (см. напр. Новг. л. I, 19 — 20). Голодный моръ являлся только тогда, когда кадь ржи платилась въ 8 и больше гривенъ и когда четверть подымалась на наши деньги до 25 р. и достигала 100 р. (Лешкова «Рус. нар.» 475, 481). Съ XVI и особенно XVII в. голодные цѣвы, обыкновенно поднимавшіяся на большую высоту скупщиками и кулаками, начинаютъ регулироваться установленіемъ «указныхъ» цѣвъ; но еще и тогда голодные цѣвы иногда достигали значительной высоты. Напр., въ голодъ 1601 г. четверть ржи на нашъ счетъ стоила до 43 р. (Карамз. XI, прим. 165).

Дороговизна и недостатокъ пропитанія на мѣстѣ заставляли население искать средствъ къ жизни въ другихъ мѣстахъ. Отсюда иногда страшный разбродъ населенія, запустѣніе цѣлыхъ волостей, пораженныхъ недородомъ. Бѣдняки бѣжали отъ голода, какъ отъ лютаго врага-татарина въ «городныя осѣды», гдѣ «изнасыпаны были клѣти всякимъ обильемъ», бѣжали въ Литву, къ нѣмцамъ, бусурманамъ, жидамъ и пр. Разбродъ населенія выражается въ лѣтописяхъ обыкновенно словами: «розыдесе градъ нашъ и волость наша». Сообщая о лютомъ голодѣ въ Новгородѣ 1230 и 1231 г.г., лѣтописъ говоритъ о разбродѣ города во всей волости — «и полни быша чужія грады и страны братьѣ нашей и сестрѣ, и останькъ начаша мерети» (Новг. л. I, 46). Въ городахъ русскихъ иногда скоплялись тысячныя толпы пришлыхъ бѣдняковъ, какъ это было, напр., въ повсемѣстный голодъ на Руси въ 1422 г., когда въ Псковъ, обладавшій большими запасами хлѣба, стали стекаться со всѣхъ

сторонѣ голодавшіе новгородцы, корела, чудь, вожане, тверцы, москвичи, «просто рекше, со всей русской земли быть нахожденіе по Псковѣ много множество», до того, что псковичи вынуждены были выгонять пришельцевъ за рубежъ (Псков. л. II, 23, 24). Подобное же нахожденіе голодающихъ повторилось въ 1601 г. Прослышавъ о щедрой царской милостынѣ, окрестные жители устремились въ Москву и, не находя возможности прокормиться одной милостыней, умирали съ голоду въ Москвѣ на улицахъ, другіе гибли на позвратномъ пути. Узнавъ, что наконецъ со всего государства народъ двинулся въ Москву на явную смерть, царь приказалъ прекратить выдачу денегъ, и тогда число жертвъ еще болѣе увеличилось; въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло около 500 тыс. человѣкъ. (Карамз. XI, прим. 180). Разбродъ населенія изъ мѣстъ голодовокъ продолжался и въ XVIII в. Въ голодъ 1723 г. села и деревни въ пораженныхъ недородомъ провинціяхъ дѣлались иногда совершенно пусты: жители расходились въ разныя мѣста ради прокормленія. Въ 1774 г. Императрица Екатерина II распорядилась устройствомъ общественныхъ работъ, дабы «доставить нужды терпящимъ средства къ прокормленію и дабы они не разсѣялись по другимъ уѣздамъ» (Новг. л. I, 5, 46; Пск. II, 23; П. с. з. 6609, 6569, 6682, 14222; Соловьева ист. VIII, 78, 182). Въ пору голодовокъ, такимъ образомъ, прекращалось обычное теченіе жизни: населеніе то гибло отъ голоднаго мора, то расходилось въ разныя стороны. Села становились пусты, земля оставалась безъ обработки, всѣ дѣла прекращались. Терпѣло населеніе, терпѣла и казна; податей не съ кого было брать, а расходы на общественную нужду предстояли не малые; педоборы въ казенныхъ платежахъ длились годы даже и послѣ того, какъ урожай увеличивалъ достатки пострадавшаго населенія и оно приходило въ себя отъ перенесеннаго бѣдствія.

Основной причиной неурожаявъ являлась засуха (Лавр. л. 64, 92 и пр.). Хлѣбная «скудость» зависѣла также отъ неблагоприятно складывавшихся климатическихъ условій. Посѣвы одинаково уничтожали и лѣтніе ливни, и лютые морозы, и зимнее безснѣжье, какъ и глубокіе снѣга, съ громаднымъ разливомъ весеннихъ водъ, смывавшихъ посѣвы и превращавшихъ посѣянное поле въ одну «черноту» ¹⁾.

Были и случайныя причины, производившія мѣстные недороды, напр., нашествіе мышей, истреблявшихъ хлѣбъ въ полѣ и жатницахъ, или саранча, поѣдавшая траву и хлѣбъ на корнѣ ²⁾.

¹⁾ Голодъ 1601 г. имѣлъ, напримѣръ, своей причиной такіи именно климатическія условія. Все лѣто были дожди великіе по всей землѣ и не давали хлѣбу созрѣвать; стоялъ онъ, налившись, зеленый, какъ трава. На праздникъ Успенія Богородицы былъ морозъ великій и погибъ весь хлѣбъ. См. Соловьева ист. VIII, 77. Ср. Новг. лѣт. I, 5, 10. Ипат. л. 19. Карамз. II, прим. 255 и др.

²⁾ О нашествіи мышей въ 1309 и 1567 г.г. см. Соловьева IV, 245; VIII, 72. Са-

Моровое повѣтріе также не разъ бывало причиной общаго хлѣбнаго недорода: моръ понижалъ цифру «пашенныхъ людей»; много земли оставалось поэтому безъ посѣвовъ, возникала хлѣбная «дороговъ», зачастую переходившая въ повальную голодовку ¹⁾.

Войны вѣшнія, какъ и старыя внутреннія усобицы земель и князей, въ свою очередь, сильно истощали производительныя силы страны и влекли за собой недородъ и голодовку. Старую Русь разоряли хищные кочевники — авары, козары; затѣмъ ихъ смѣнили печенѣги и половцы и наконецъ довершили дѣло татары. Хищники жгли русскія села, уводили жителей въ плѣнъ, опустошали посѣвы, угоняли стада (см. напр., половецкій набѣгъ въ 1093 г. и пр. Лавр. л. 95, 153. Ипат. 84, 106 и пр. Ср. Аристова Промысл. 246 и сл.).

Не меньшимъ хищничествомъ отличались и старыя княжескія и земскія усобицы: русскіе князья и земли, враждуя между собой, разоряли страну въ такой же мѣрѣ, какъ и половцы и татары ²⁾. Вступая въ область врага, войско, по ратнымъ обычаямъ того времени, облагало города, куда стекалось все сельское населеніе подъ охрану «городской осады», или шло «въ зажитыя» для грабежа и истребленія по опустѣвшимъ селамъ всего, что попадалось подъ руку. Опустошались поля, жглись села и города, ташилось все, что можно унести, — все достояніе населенія, нажитое тяжелымъ трудомъ, всё его сбереженія, «животы», уничтожались въ короткое время (см. Аристова. Промысл. 246—253). Понятно, какъ все это должно было отражаться на народномъ благосостояніи вообще и въ частности на усиленіи дороговизны жизни, на тяжести недородовъ и голодовокъ населенія ³⁾. Постоянныя усобицы князей и земель, вмѣстѣ съ набѣгами кочевниковъ половцевъ, татаръ и др., лишали населеніе возможности пользоваться обычнымъ въ то время средствомъ противъ недородовъ и дороговизны — подвозомъ хлѣба изъ другихъ хлѣбородныхъ мѣстъ. Противникъ, вмѣстѣ

рапча (прувы) упоминается въ летописи еще въ 1094 г. См. Лавр. 96. Недородъ отъ саранчи былъ въ 1407 и др. годахъ. См. Соловьева, IV, 245. Ср. П. С. З. 9590 — о саранчѣ въ 1749 г.

¹⁾ На эту причину, между прочимъ, указывали въ 1660 г. торговые люди на совѣщаніи съ боярами о причинахъ хлѣбной дороговизны (П. С. З. 286) Моровыя повѣтрія особенно часты были на Руси въ XIV в. Черная смерть половилы этого вѣка и страшный моръ 1387 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ произвели большія опустошенія. Въ Смоленскѣ, напримѣръ, вымерло почти все населеніе; оставшіеся 5 человекъ вышли изъ города и ватворили за собой его ворота. См. Новг. лѣт. II, 133.

²⁾ Слово о Полку Игоревѣ, съ жалобъ споей — какъ рѣдко слышны были по русской землѣ «крики ратаевъ», рисуетъ обычную въ то время картину запустѣнія полей отъ усобицы князей и непріятельскихъ нашествій.

³⁾ Еще въ XVII в. нерѣдко встрѣчаемъ въ актахъ жалобы на хищничество военное, какъ причину голодовокъ. Въ ук. 1674 г. голодовка въ Валуцкомъ уѣздѣ мотивируется, кромѣ хлѣбнаго недорода, также частыми татарскими приходами (П. С. З. 577).

съ опустошеніемъ зажитій и полей въ области своего врага, старался держать его на всѣхъ рубежахъ въ осадномъ положеніи, прекращалъ «гостьбу», подвозъ хлѣба изъ-за рубежа задерживалъ у себя, полонилъ гостей своего врага, уничтожалъ и грабилъ хлѣбъ, подвозившійся въ область противника, и пр. ¹⁾), словомъ, старался голодомъ выморить населеніе враждебной страны. По вычисленію проф. Соловьева, въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ (съ XIII до половины XV в.) на сѣверѣ было 90 внутреннихъ усобицъ и 133 вѣшнихъ войнъ. Въ общей сложности получалось 232 опустошенія, — почти на каждый годъ по опустошенію (Соловьева Ист. VIII, 242—244).

Народная скудость зависѣла во многомъ не только отъ вѣшнихъ войнъ и земской усобицы, но и отъ внутренней неурядицы, царившей въ древнее время на Руси. «Кіевъ и Вышгородъ въ XI в. и Владимірская область раззорены были отъ дурнаго правосудія бояръ, точно такъ-же, какъ и жители береговъ Сулы. Данилъ заточникъ даетъ совѣтъ: не держи себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, пбо тиупъ его яко огонь и рядовичи его яко искры. Подъ 1380 г. лѣтописецъ разсуждаетъ, что иноплеменики нападаютъ на русскихъ, дабы отступить отъ своихъ неправдъ, и отъ сребролюбія, и въ неправды судящихъ, и отъ насилія» (Аристовъ. Промышл. 254).

Съ другой стороны, бездорожье, распутица, вообще плохое состояніе путей сообщенія и недостатокъ хорошихъ перевозочныхъ средствъ, не могли содѣйствовать правильному развитію хлѣбной «гостьбы», сбыта продуктовъ за рубежомъ, тамъ, гдѣ былъ недородъ и населеніе нуждалось въ ихъ подвозѣ. Въ однихъ мѣстахъ былъ полный урожай, скоплялись большіе запасы «обилія» хлѣбнаго, но не было на мѣстѣ потребителей и не было возможности сбывать хлѣбъ тамъ, гдѣ въ немъ нуждались; въ другихъ мѣстахъ, страдавшихъ «дороговью» и педородомъ, безъ подвоза хлѣба люди умирали съ голода (Аристовъ. Промышл. 238).

Рядомъ съ бездорожьемъ, на народную «скудость» вліяла также былая разобщенность и раздробленность «зажитій», разбросанныхъ на далекихъ пространствахъ, въ видѣ оазисовъ, группъ мелкихъ поселковъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга громадными массами непроходимыхъ лѣсовъ болотъ и мховъ ²⁾).

¹⁾ См. Соловьева, III, 42 и др.

²⁾ См. мою статью о древнихъ городахъ въ Россіи, въ Сборн. гос. зп. II, критика — 68. Переписная книга Вятской пятины 1500 г. (Времен. кн. XI) даетъ любопытныя указанія на разобщенность сельскихъ поселеній, какое въ болѣе древнее время имѣло мѣсто не толь на Руси. Въ 14 погостахъ, расположенныхъ по Невѣ и Ладожскому озеру съ ихъ притоками, въ началѣ XVI в. числилось 1809 селъ и деревень, съ центральнымъ пунктомъ — гор. Орѣшникомъ. Но что это были за деревни? Изъ одного двора состояли 944 (52%) деревни, изъ 2-хъ дворовъ — 504 (28%) дер..

Вспомнимъ, наконецъ, органическіе недостатки политическаго строя древней Руси, разбившейся на земли, волости и княжества, политически самобытныя, безъ мысли о единствѣ всей русской земли и солидарности ея общественныхъ интересовъ. Какъ въ мелкихъ важностяхъ, имѣвшихъ мало бытовыхъ связей между собой, разобщенныхъ и разбросанныхъ на далекихъ пространствахъ, знали только свои ближайшія нужды и мало интересовались тѣмъ, что дѣлалось у дальнихъ сосѣдей, такъ и въ быту цѣлыхъ земель и волостей все вращалось только въ сферѣ мѣстныхъ интересовъ и нуждъ, вездѣ и во всемъ проявлялась только дѣятельность мѣстной «господы».

При политической розни и нерѣдкой въ то время враждебности русскихъ земель и волостей, въ старое время была совершенно немыслима организація, на широкихъ и прочныхъ основаніяхъ, силами и средствами всей русской земли, мѣропріятій противъ общественныхъ бѣдствій.

Съ XVI в.—поры политическаго объединенія русскихъ земель—постепенно исчезаетъ многое изъ того, что въ старое земское время истощало и тормозило производительныя силы страны (земская усобица, частые набѣги кочевниковъ и пр.). Въмѣсто дробныхъ, частичныхъ средствъ той или другой земли, къ какимъ прежде можно было прибѣгать въ нуждѣ, организуется теперь могучая сила всего государства, всегда являющаяся на помощь въ случаѣ народнаго бѣдствія. Но новыя условія народной жизни должны были вызвать и новыя задержки въ ея дальнѣйшемъ ростѣ и развитіи, — по нашему вопросу должны были явиться кромѣ старыхъ причинъ (недорода, засухъ и пр.) также новыя, мало извѣстныя прежнему времени, причины дороговизны и народной скудности. Такъ, развитіе болѣе усиленнаго объѣма продуктовъ, накопленіе большихъ достатковъ у отдѣльныхъ лицъ и пр. вездѣ и всегда вызываютъ промышленную спекуляцію, жажду легкой наживы, стремленіе эксплуатировать общественное бѣдствіе ради своихъ корыстныхъ цѣлей. Отсюда старое кулачество, небезызвѣстное еще земскому вре-

изъ 3-хъ дворовъ 170 (9 $\frac{1}{6}$ %) дер. Въ общей сложности 1618 (89 $\frac{9}{10}$ %) поселковъ представляли хуторки въ 1—3 двора, разбросанные по лѣсамъ и болотамъ, занимавшіе отдѣльные поляны — слѣды, почипки, выжики, и раздѣленные другъ отъ друга дремучими лѣсами и пр. Остальные поселки (191), расположенные по Цепи и Ладожскому озеру, болѣею частью состояли изъ рыбныхъ «лонцовъ». Изъ нихъ 172 деревни состояли отъ 4-хъ до 10-ти дворовъ, 17 деревень имѣли отъ 10 до 20 и только въ 2-хъ деревняхъ было — въ одной 28, въ другой 36 дворовъ. Старая разбивчивость поселеній удерживается доселѣ на крайнемъ сѣверѣ Россіи. «Села и деревни расположены группами, между которыми идутъ лѣса, болота, мхи — незаселенное мѣсто. Чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ длиннѣе эти незаселенныя мѣста, достигающій въ Вологодской губерніи до сотни верстъ, — тѣмъ далѣе нужно тягаться отъ одного жилого острова до другого, отъ станицы до станицы, отъ погоста до погоста» (Соврем. 1853, IX, отд. III, 8—9).